

Культура

1999. - 17-23 июня. - с. 9 "Лев зимой" в Театре Сатирикон

О СВОЙСТВАХ страсти

Константин Райкин умеет ставить в тупик. Вам кажется, что вот сейчас он вам улыбнется, а он вам показывает язык. Вы уверены, что вы в чем-то абсолютно уверены, но под напором его темперамента делаетесь, как воск, и готовы отступить на заранее даже не подготовленные позиции. Возможно, это его умение и есть формула успеха Сатирикона? Как руководитель театра К. Райкин все время говорит о кассе и о зрителе. О том, что, если не будет об этом думать, то вылетит в трубу. Как артист и человек увлекающийся он, полагаясь на интуицию, позволяет себе безрассудные поступки. Но все равно имеет успех. Так случилось в прошлом году, когда он доверил постановку выпускнице Петра Фоменко Елене Невежиной. Так случилось и в этом, — с режиссером Игорем Войтулевым. Райкин опять выиграл.

Кто знает, тот знает, что пьеса Джеймса Голдмена — это роскошный сюжет (из истории Англии XII века), роскошные роли, рассчитанные на звезд. Думаю, не один бенефициант мечтал бы сыграть роль Генри Плантагенета: в 21 год — английский король, причем образованнейший король, дружбы которого ищут другие монархи, объединил страну, стал во главе империи, сумел остаться Королем до конца своих дней. Можно, конечно, сказать, что пьеса самоигральна — так хороша, что ее просто нельзя испортить. Но неужели вы не видели плохих спектаклей по первоклассным классическим пьесам? Кроме того, пьесу год назад показали вахтанговцы с Василием Лановым в главной роли и имели успех. Наверняка ведь будут сравнивать. Как Штайна со Стурра в прошлом году, почти одновременно поставивших "Гамлета". В сатириконовском спектакле — ни одной звезды. В этой фразе нет ничего обидного для актеров Райкина. Их знают театралы и поклонники театра, но это не те лица, на которые сегодня делает ставку коммерческий театр.

Свойство всех почти спектаклей Сатирикона — они летучи, как запах духов. Страстны, волнующи, но легко стираются из памяти. Как сон, который утром трудно припомнить во всех деталях. Мне это казалось недостатком ровно до тех пор, пока однажды не возникло желание пересмотреть эти сны.

Сцена из спектакля

У этого "Льва" горько-металлический привкус вина. Он пенится интригой, перекипает страстями, как молоко на огне. Пахнет нагаром со свечей и ест глаза, как дым. Его заглатываешь, как кусок ароматного пирога, не задумываясь, сыт или голоден. В него погружаешься с головой, как в морскую пучину, не удосужившись ни понять своей роли, ни объяснить себе, кто ты здесь и зачем, — сидишь в Малом зале Сатирикона, как на жердочке, а у ног твоих делят корону чужой империи и королеву. И что тебе Гекуба? Лишь поначалу, пользуясь подсказкой в программке, пытаешься вспомнить, кто таков этот герой, и этот, и этот. Потом время и место становятся вполне условными категориями, зато чужие страсти твоими, и ты понимаешь, что перед тобой вечный сюжет. Годится на все времена. Испытываешь непреодолимый и, наверное, варварский азарт охотника, зорко следишь за тем, кто кого, вздрагиваешь от каждого шороха и шума, грызешь ногти от напряжения, наслаждаешься чьей-то красивой победой, впадаешь в уныние, оказавшись вместе с кем-то из героев обманутым, восхищаешься тем, как они умело скрывают свои намерения и не скрывают своих чувств. То есть попросту теряешь голову. Наверное, так чувствовали себя зрители Колизея на гладиаторских боях. Или зрители корриды в Испании. Да наконец, просто старые преферансисты, играющие на деньги.

Это азартный мир для азартных людей. Этот мир делится не на плохих и хороших, не на французов и англичан. Мир — это мужчины и женщины, идет ли речь о XII веке и Англии, или о любых других временах. В них мало что меняется, разве что только масштаб. Мужчины и женщины устроены по-разному, они о разном мечтают и по-разному этого добиваются, друг без друга не могут, но и вместе не могут тоже — на этом мир стоит и от этого рушится. Особенно, когда на карту поставлено так много, как у короля. Историю о том, как это бывает, и сочиняет Игорь Войтулевич. Усилия режиссера самоотверженны тем, что незаметны. Его режиссура умела, но не вычурна, растворена в актерской игре. Но зато она чувственна. Процесс этой жизни (а жизнь груба) режиссер воссоздает тщательно: без быта, но через массу бытовых достоверных интонаций, жестов и взглядов, запретив актерам представляться королями и королевами, принцами и принцессами, но внушив им, что и коронованные особы — тоже люди и все человеческое при них. Если в двух словах, то режиссер опрощает сюжет, отчего перевод Н. Кузьминского кажется написанным сей момент. Жил-был король-мужик (Юрий Лахин), умный, здоровый, работающий, красивый, и было у него три сына: слабак Джон (Максим Аверин), негодяй Джеффри (Дмитрий Лямочкин), солдафон Ричард (Александр Журман). И была у короля королева

Элинора (Марина Иванова), некогда им любимая. И была воспитанница, ставшая его любовницей, игрушка короля с королевой, — Элис (Надежда Бережная). И был еще один мальчик (Олег Кассин), который хотел стать французским королем Филиппом. Но в присутствии короля Генри мало у кого что получалось, потому что своей мощью, попойкой и хитроумием король, сам того не желая, испепелял все вокруг. Жизнь Генри действительно потрясает мощью, по крайней мере, так она сыграна Юрием Лахиным, первоклассным актером. Теперь-то я знаю, что "Лев зимой" — это не только пьеса, которую играют звезды, но и пьеса, которая делает звезды.

Поставить точку в спектакле — это тоже надо уметь. Игорь Войтулевич позволяет себе в финале единственную лирическую ноту. Две крохотные куколки, взявшись за руки, кружатся на каминной решетке, а снизу их поджаривает огонь. Проигравшись в пух и прах, люди начинают замечать звезды. "Боже мой, — говоришь себе в этот момент, — на что уходит жизнь. А ведь можно было провести ее в любви, лучше которой ничего нету... Полцарства за любовь".

Из интервью с Константином Райкиным: "Я люблю простодушное искусство. Туманности не люблю. Умничанья — не люблю. Дидактического театра, потому что это дикое недоверие — и к артистам, и к зрителям. Ты понимаешь, что это трагично, понимаешь?! Да отстань ты от меня, не трогай руками!!! Дай артисту сыграть. Я догадаюсь, я почувствую. Театр всегда должен быть чувственным. Как только я начинаю думать на спектакле, это лишает меня возможности чувствовать, сочувствовать, переживать. Я только такой театр понимаю. Он должен меня вовлечь в поток. И только, когда я из этого потока вылезу, весь мокрый, испугавшийся, что попал в водопад, и все-таки спасшийся в конце концов, я начинаю думать о смысле жизни. От чувства у меня начинают рождаться мысли. Я так устроен. Другой устроен по-другому. Но такой театр, какой я люблю, любит большинство из тех, кто в театр ходит. Я могу за это ручаться. Вот гадом буду". Примерно в таком театре я и побывала в тот вечер.

Наталья КАЗЬМИНА